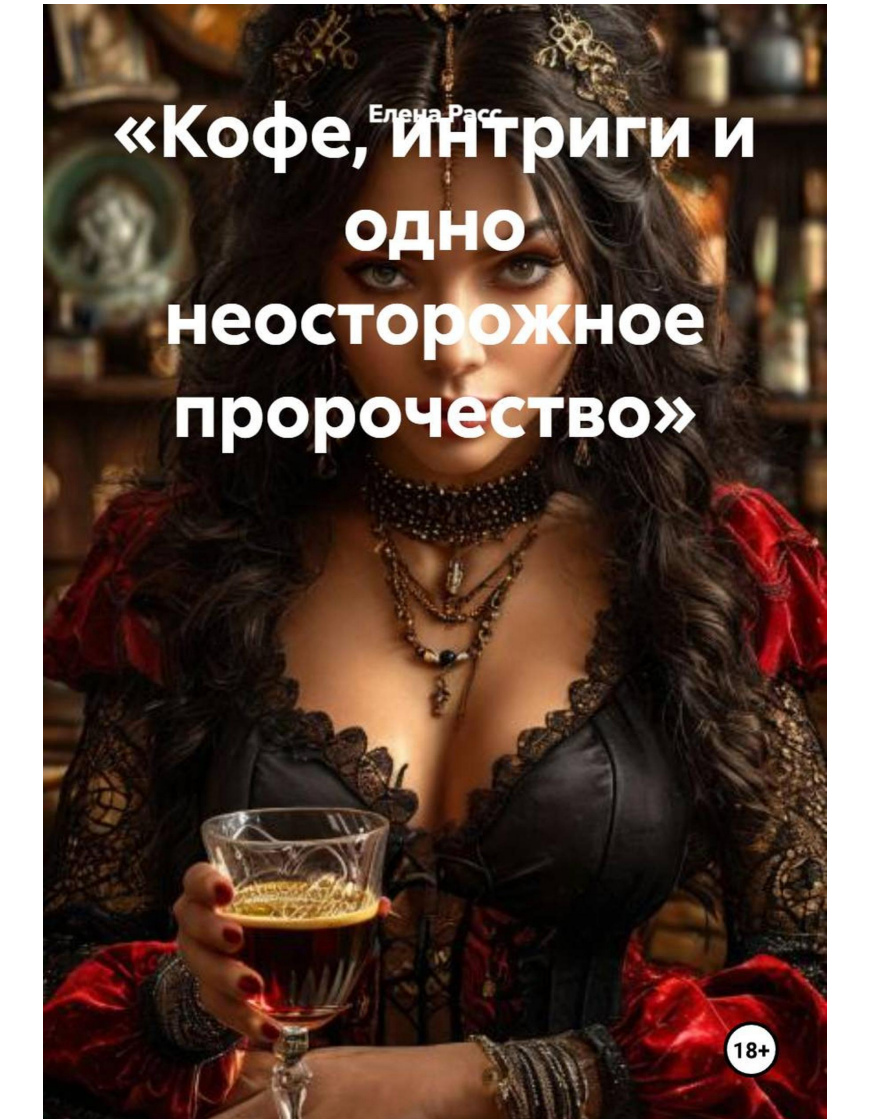

A woman with long, dark, wavy hair is the central figure. She is wearing a black corset with red lace and velvet accents. She holds a glass of coffee in her right hand. The background is a blurred interior with shelves of bottles and decorative items.

Елена Расс

«Кофе, интриги и одно неосторожное пророчество»

18+

Елена Расс

«Кофе, интриги и одно неосторожное пророчество»

<https://litres.ru/73994306>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мелания Травница-Бубенцова — потомственная гадалка, которая ненавидит гадать. Своё последнее пророчество она сделала в антикафе «Ложка дёгтя»: «Вы потеряете голову от женщины в красном». Клиент сходил в стриптиз-клуб, заказал капучино с корицей и задохнулся в пенке. Абсурд? Для магической полиции — убийство.

Теперь Мелания — главная подозреваемая. А ведёт дело лорд Торнвальд Шарп по прозвищу «Мрачный жнец» — красавец с лицом асфальта и вредной привычкой пить чёрный кофе без сахара. Он арестовывает её, сажает в камеру и через час оказывается в соседней — его тоже подставили.

Вместе они сбегают, чтобы найти настоящего убийцу. В деле замешаны отравленные конфеты, тайный Орден Плохого Кофе, говорящий кот-рифмоплёт (требуется сметану и адвоката) и одно неосторожное пророчество, которое никак не желает сбываться.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Расс

«Кофе, интриги и одно неосторожное пророчество»

Глава

Главные герои

Мелания Травница-Бубенцова – потомственная гадалка, которая ненавидит гадать. Вместо карт Таро – ноутбук с эзотерическим софтом. Девиз: *«Мое пророчество сбывается только если я сама его не планировала»*.

Лорд Торнвальд Шарп (в миру – просто «Мрачный жнец») – инспектор магической полиции. Красив как грех, но верит только в улики. Презирает пророчества, особенно когда они касаются его собственной смерти.

Кекс – кот-фамильяр Мелании. Говорит сквозь зубы, пахнет ванилью и даёт показания в обмен на сметану.

Арабелла Гламурнова – подруга-алхимик. Варит зелья для увеличения губ и сыворотки правды, которая работает

ровно наоборот.

Мэрвин Помпейский – жертва. Съел не тот десерт и упал лицом в пенку капучино. Завещание не оставил, но оставил долги.

ЧАСТЬ 1. ПРОРОЧЕСТВО НА ЗАВТРАК

Глава 1. Где кофе горчит, а жизнь сладка

Если вы думаете, что быть профессиональной гадалкой — это сплошной шёлк, свечи и дымящиеся благовония, то вы никогда не открывали налоговую декларацию по графе «Окультурные услуги населению».

Я, Мелания Травница-Бубенцова, потомственная ведунья третьего разряда (не путать с третьей ступенью, там уже идёт чёрная магия с доставкой на дом), сидела в антикафе «Ложка дёгтя» и пила кофе, в который плеснула ванильного сиропа столько, что сахарный диабет начал облизываться в углу.

Заведение носило своё название с гордостью утопленника: потолок в подтёках, стулья разной масти, кофе — средний между «бодрит» и «убивает». Но здесь подавали бесплатные печеньки с предсказаниями. Правда, предсказания были типа «Завтра вы встретите старую любовь. В зеркале. Это вы сами». Но печеньки-то бесплатно!

Я как раз откусывала третью (в предсказании значилось: «Ваш бывший скоро наступит на грабли. Буквально. Купите ему грабли»), когда дверь открылась, и в помещение вошла портативная катастрофа в мужском обличье.

Я сразу его узнала. Лорд Торнвальд Шарп, инспектор магической полиции, в народе — «Мрачный жнец». Прозвище он получил не за любовь к сельскому хозяйству, а за способность появляться там, где от него меньше всего ждут, и портить настроение размером с Вселенную.

Высокий — зараза. Широкоплечий — ещё какая зараза. Скулы такие, что ими можно вскрывать конверты. Глаза серые, как асфальт после дождя, и такое же выражение лица. Волосы тёмные, чуть длиннее, чем у приличного инспектора, — будто ему плевать на устав, но он ещё не решил, плевать ли ему на мнение окружающих.

Одним словом, красавчик. Но опасный. Как нож с бриллиантовой рукояткой: и любишься, и боишься порезаться.

Он осмотрел зал взглядом, который у обычных людей называется «арест до выяснения», и направился напрямик к моему столику.

— Мелания Травница-Бубенцова? — спросил он таким тоном, будто я уже должна была упасть на колени и сознаться во всех семи смертных грехах, включая те, которые не придумали.

— Зависит от того, кто спрашивает, — ответила я, отодвигая кружку подальше от края. Мало ли, арестуют — кофе не допью. — Если это поклонник творчества, то да, я та самая Мелания. Если с повесткой в суд, то меня зовут Глафира, я здесь убираюсь и ничего не видела.

Шарп сел напротив меня без приглашения. У него было лицо человека, который никогда никого не приглашал садиться, потому что считал, что весь мир — его личное кресло допроса.

— Вы обвиняетесь в незаконном пророчестве без лицензии, — сказал он ровным голосом. — И в причинении смерти по неосторожности.

Я поперхнулась печенькой.

— В чём?!

— Господин Мэрвин Помпейский, — Шарп достал из внутреннего кармана папку (аккуратно, как бомбу), — полу-

чил от вас пророчество ровно за три дня до того, как упал лицом в пенку капучино и задохнулся.

— Не смешите мои бубенцы! — воскликнула я. — Я не даю смертельных пророчеств за кофе. Тем более за кофе с ванильным сиропом. Это нарушает кодекс этики гадалателя, пункт двенадцать-бис!

— Ваше пророчество, — продолжил Шарп, не обращая внимания на мои вопли, — дословно: «Вы потеряете голову от женщины в красном». Господин Помпейский отправился в клуб «Алая роза», где встретил женщину в красном платье. Она предложила ему капучино с корицей. У него была смертельная аллергия на корицу. Женщина в красном не знала. Но вы, Мелания, — вы должны были знать.

— Я должна была знать, что у какого-то мужика аллергия на корицу?! — я даже привстала от возмущения. — Я гадалка, а не его лечащий врач и не его мамочка, которая с ложечки кормила его кашами! Моё пророчество было про стриптиз! «Потеряет голову от женщины в красном» — это классический эвфемизм для посещения сомнительных заведений! Я предсказывала ему вечер с танцовщицей, а не анафилактический шок!

Шарп поджал губы. У него даже губы были какие-то слу-

жебные, без намёка на улыбку.

— Это будет решать суд.

— А вы будете решать, — парировала я, — как впишете в протокол моего кота. Потому что Кекс — мой единственный свидетель, а он даёт показания только в обмен на сметану и рифмой.

И тут из-под стола раздалось:

— Мяу-так-мяв-протокол-мяв,
Он сам не нюхал, что крал — мяв!

Я не горжусь своим фамильяром. Кот Кекс — это животное, которое выиграло в генетическую лотерею сомнительный приз: он умеет говорить, но только стихами и с выражением лица оскорблённой герцогини. Пахнет от него почему-то ванилью и лёгкой обидой на весь мир.

Шарп медленно опустил взгляд под стол. Кекс сидел на моей сумке, обёрнутой в прошлогоднюю шаль, и смотрел на инспектора взглядом, который говорил: «Ты даже не представляешь, сколько сметаны я могу потребовать за дачу ложных показаний».

— Это ваше вещественное доказательство? — спросил Шарп, поворачиваясь ко мне. — Говорящий кот?

— Во-первых, он не «говорящий», он «мыслящий» и очень обидчивый, — поправила я. — Во-вторых, у него есть имя, отчество и рекомендательное письмо от прошлого хозяина, которого он, кстати, заговорил до икоты. С тех пор тот не пьёт шампанское. Только квас. Через трубочку.

Шарп закрыл папку. Медленно. С таким звуком, будто ставил штамп «Дело сшито белыми нитками, но сшить не с кем».

— Вы поедете со мной для дачи показаний. Добровольно или в магических наручниках — выбирайте сами.

Я выбрала добровольно, потому что наручники у них прошлогодние, магию блокируют через раз, а если они дадут сбой в моём присутствии, то у лорда Шарпа волосы станут розовыми. Я такое однажды устроила эксперту-криминалисту. Тот до сих пор ходит с перманентным румянцем на затылке.

Кекс запрыгнул мне на плечо и прошептал (насколько кот вообще может шептать):

— Мяв-внимание-на-карман-мяв,
Вишнёвый-пирог-там-мяв-узнав!

Я бросила быстрый взгляд на грудь Шарпа. И правда, нагрудный карман его плаща пах сладким и чуть терпким. Вишнёвый пирог. Свежий.

Значит, у инспектора либо кто-то дома печёт, либо он тайно питается сладким и прячет улики от коллег.

В любом случае, это была первая человеческая черта, которую я в нём заметила.

— Пойдёмте, — вздохнула я, подхватывая сумку. — Только кофе допью. Не пропадать же добру.

— Кофе — вещественное доказательство, — отрезал Шарп, забирая мою кружку.

И я поклялась себе, что когда это недоразумение закончится, я сделаю так, чтобы его утренний эспрессо пах капустой. Всю следующую неделю.

Глава 2. Убийство с пенкой

Магический участок располагался в здании, похожем на

модернистскую церковь, которую недостроили, потом достраивали тролли, а потом на неё наложили иллюзию «Не смотри сюда, иди мимо». Я туда заходила дважды: один раз — за правами на ворожбу, второй раз — забирать Кекса из камеры для мелких хулиганов (он наколдовал соседскому псу зелёный мех).

На этот раз я перешагнула порог в качестве подозреваемой. Ощущение было как от несвежих мидий: с одной стороны, интересно, с другой — страшно, и точно будет плохо.

Шарп вёл меня длинным коридором с серыми стенами. На каждой двери — таблички: «Отдел магического мошенничества», «Бюро по контролю за приворотами» (там очередь была особенно длинной), «Комната, где мы обсуждаем, куда делся прошлогодний бюджет». Кекс с моего плеча комментировал:

— Мяв-бюджет-украли-мяв-вчера,
Замначальника-съел-два-ведра-икры!

— Заткни своего кота, — буркнул Шарп, не оборачиваясь.

— Сам заткни, — огрызнулась я. — Он свидетель. Притеснение свидетелей — статья 148, пункт «ущемление прав

фамильяров на самовыражение».

Мы вошли в кабинет Шарпа. Там было темно, пахло перемолотым кофе, старыми бумагами и лёгким отчаянием — обычный запах полицейского участка.

И тут я увидела папку. На столе. С пометкой «Помпейский, Мэrvин. Смерть при отягчающих обстоятельствах (пенка)».

— Садитесь, — кивнул Шарп на стул.

Я села. Стул был жёстким, как характер моей тётушки, которая до сих пор считает, что мужчину нужно кормить супом три раза в день иначе он умрёт от недолюбленности.

— Расскажите, — сказал Шарп, — как вы познакомились с господином Помпейским.

— Он пришёл ко мне на гадание. Сказал, что хочет узнать, ждёт ли его успех в делах и любви. Я сказала, что успех его ждёт в ближайшие три месяца, но цена успеха — экзотический танец в общественном месте. Он рассмеялся, заплатил двойную ставку и сказал, что это лучшее пророчество в его жизни.

— И вы считаете это безобидным?

— Лорд Шарп, — я сложила руки на груди, — я предсказала ему стриптиз. Я не могла знать, что он пойдёт в клуб «Алая роза», встретит там женщину в красном, закажет капучино с корицей и окажется аллергиком. Это цепь совпадений! Вы бы ещё меня обвинили в том, что я предсказала дождь, а кто-то вышел без зонта и промок до нитки!

— Разница в том, что дождь не убивает.

— Корица тоже не убивает. Корицу убивает человеческая глупость. И аллергия. Но аллергия — это медицинский факт, а не магический.

Шарп открыл папку и выложил передо мной фотографии. На первой был Помпейский — толстенький, лысый, с лицом человека, который коллекционирует галстуки с утятами. На второй — его тело в кресле, в руке чашка, пенка размазана по лицу.

Но не это привлекло моё внимание. На третьей фотографии была крупным планом чашка. В пенке, прежде чем её размазали, кто-то вывел магические буквы. Я прочитала: «Ты не должен был брать мой десерт».

Внутри у меня похолодело.

— Это не моя работа, — сказала я. — Я не оставляю посланий в пенке. Я не убиваю клиентов. Это глупо и непрофессионально. Убитый клиент — плохая реклама.

— Возможно, — кивнул Шарп. — Но вы пришли на место преступления раньше полиции. Почему?

— Потому что Помпейский должен был мне коробку «Кураре в шоколаде»! — выпалила я. — Он проиграл её мне в споре о том, взойдёт ли тесто у его жены на кухне. Не возшло, я выиграла, он обещал принести конфеты. А принёс смерть на свою голову!

Шарп помолчал. Потом достал из ящика стола прозрачный пакет. Внутри были конфеты. Красивые, шоколадные, с золотым ободком.

— Вы о них?

— Да! — я потянулась к пакету, но Шарп отдёрнул руку.

— Мы нашли их в кармане господина Помпейского. Токсикологическая экспертиза показала, что в конфетах — кураре. В чистом виде. Одна такая конфета — и вы умерли бы

за три минуты, улыбаясь и облизывая пальцы.

Я медленно опустила руку.

— Значит, меня тоже хотели убить?

— Либо так, — Шарп смотрел на меня в упор, — либо вы знали, что конфеты отравлены, и не пошли за ними именно поэтому.

— Если бы я знала, что конфеты отравлены, я бы их не заказывала! Я бы заказала что-нибудь безопасное, например, шкатулку с музыкой или набор ножей для бабушки!

В кабинет без стука ворвался молодой сотрудник в мантии с пятном кофе на вороте. Он был бледен и дышал так, будто пробежал марафон с горшком в руках.

— Лорд Шарп! В вашем кабинете нашли улику! — выпалил он.

— Что за улика?

— Коробка из-под шоколада «Кураре в шоколаде»! Пустая! На вашем столе!

Я перевела взгляд на Шарпа. Его лицо стало ещё более каменным, если это вообще возможно.

— Кто заходил в мой кабинет? — спросил он тихо.

— Никто, сэр. Магическая сигнализация не сработала.

— Потому что она не срабатывает на меня, — вдруг произнесла я вслух. — Я блокирую слабые магические поля своей собственной. И я здесь. Уже полчаса. И я не приносила никаких конфет.

Шарп медленно повернулся ко мне. Его серые глаза теперь напоминали не асфальт, а сталь. Холодную, заточенную и очень близкую к моему лицу.

— Мелания Травница-Бубенцова, — сказал он. — Вы арестованы.

— За что?! — возмутилась я.

— За убийство господина Помпейского и попытку подставить офицера магической полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.